

Редь

ярд Киплинг «Слонёнок»

В отдаленные времена, милые мои, слон не имел хобота. У него был только черноватый толстый нос, величиною с сапог, который качался из стороны в сторону, и поднимать им слон ничего не мог. Но появился на свете один слон, молоденький слон, слоненок, который отличался неутомимым любопытством и поминутно задавал какие-нибудь вопросы.

Он жил в Африке и всю Африку одолевал своим любопытством. Он спрашивал своего высокого дядю страуса, отчего у него перья растут на хвосте; высокий дядя страус за это бил его своей твердой-претвердой лапой. Он спрашивал свою высокую тетю жирафу, отчего у нее шкура пятнистая; высокая тетя жирафа за это била его своим твердым-претвердым копытом. И все-таки любопытство его не унималось!

Он спрашивал своего толстого дядю гиппопотама, отчего у него глаза красные; толстый дядя гиппопотам за это бил его своим широким-прешироким копытом.

Он спрашивал своего волосатого дядю павиана, отчего дыни имеют такой, а не иной вкус; волосатый дядя павиан за это бил его своей мохнатой-премохнатой рукой.

И все-таки любопытство его не унималось! Он задавал вопросы обо всем, что только видел, слышал, пробовал, нюхал, щупал, а все дядюшки и тетушки за это били его. И все-таки любопытство его не унималось!

В одно прекрасное утро перед весенним равноденствием неутомимый слоненок задал новый странный вопрос. Он спросил:

— Что у крокодила бывает на обед?

Все громко закричали «ш-ш» и принялись долго, безостановочно бить его.

Когда наконец его оставили в покое, слоненок увидел птицу коло-коло, сидевшую на кусте терновника, и сказал:

— Отец бил меня, мать била меня, дядюшки и тетушки били меня за «неугомонное любопытство», а я все-таки хочу знать, что у крокодила бывает на обед!

Птица коло-коло мрачно каркнула ему в ответ:

— Ступай на берег большой серо-зеленой мутной реки Лимпопо, где растут деревья лихорадки, и сам посмотри!

На следующее утро, когда равноденствие уже окончилось, неугомонный слоненок взял сто фунтов бананов (мелких с красной кожицей), сто фунтов сахарного тростника (длинного с темной корой) и семнадцать дынь (зеленых, хрустящих) и заявил своим милым родичам:

— Прощайте! Я иду к большой серо-зеленой мутной реке Лимпопо, где растут деревья лихорадки, чтобы узнать, что у крокодила бывает на обед.

Он ушел, немного разгоряченный, но несколько не удивленный. По дороге он ел дыни, а корки бросал, так как не мог их подбирать.

Шел он, шел на северо-восток и все ел дыни, пока не пришел на берег большой серо-зеленой мутной реки Лимпопо, где растут деревья лихорадки, как ему говорила птица коло-коло. Надо вам сказать, милые мои, что до той самой недели, до того самого дня, до того самого часа, до той самой минуты неугомонный слоненок никогда не видал крокодила и даже не знал, как он выглядит.

Первый, кто попался слоненку на глаза, был двухцветный питон (огромная змея), обвившийся вокруг скалистой глыбы.

— Простите, — вежливо сказал слоненок, — не видали ли вы в этих краях крокодила?

— Не видал ли я крокодила? — гневно воскликнул питон. — Что за вопрос?

— Простите, — повторил слоненок, — но не можете ли вы сказать мне, что у крокодила бывает на обед?

Двухцветный питон мгновенно развернулся и стал бить слоненка своим тяжелым-претяжелым хвостом.

— Странно! — заметил слоненок. — Отец и мать, родной дядюшка и родная тетушка, не говоря уже о другом дяде гиппопотаме и третьем дяде павиане, все били меня за «неугомонное любопытство». Вероятно, и теперь мне за это же достается.

Он вежливо попрощался с питоном, помог ему опять обвиться вокруг скалистой глыбы и пошел дальше, немного разгоряченный, но несколько не удивленный. По дороге он ел дыни, а корки бросал, так как не мог их подбирать. У самого берега большой серо-зеленой мутной реки Лимпопо он наступил на

что-то, показавшееся ему бревном. Однако в действительности это был крокодил. Да, милые мои. И крокодил подмигнул глазом — вот так.

— Простите, — вежливо сказал слоненок, — не случилось ли вам в этих краях встречать крокодила?

Тогда крокодил прищурил другой глаз и наполовину высунул хвост из тины. Слоненок вежливо попятился; ему вовсе не хотелось, чтобы его опять побили.

— Иди сюда, малютка, — сказал крокодил.

— Отчего ты об этом спрашиваешь?

— Простите, — вежливо ответил слоненок, — но отец меня бил, мать меня била, не говоря уж о дяде страусе и тете жирафе, которая дерется так же больно, как дядя гиппопотам и дядя павиан. Бил меня даже здесь на берегу двухцветный питон, а он своим тяжелым-претяжелым хвостом колотит большее их всех. Если вам все равно, то, пожалуйста, хоть вы меня не бейте.

— Иди сюда, малютка, — повторило чудовище. — Я — крокодил.

И в доказательство он залился крокодиловыми слезами. У слоненка от радости даже дух захватило. Он стал на колени и сказал:

— Вы тот, кого я ищу уже много дней. Будьте добры, скажите мне, что у вас бывает на обед?

— Иди сюда, малютка, — ответил крокодил, — я тебе скажу на ушко.

Слоненок пригнул голову к зубастой, зловонной пасти крокодила. А крокодил схватил его за нос, который у слоненка до того дня и часа был не больше сапога, хотя гораздо полезнее.

— Кажется, сегодня, — сказал крокодил сквозь зубы, вот так, — кажется, сегодня на обед у меня будет слоненок.

Это вовсе не понравилось слоненку, милые мои, и он сказал в нос, вот так: — Не надо! Пустите!

Нос слоненка продолжал вытягиваться. Слоненок уперся всеми четырьмя ногами и тянул, тянул, тянул, а его нос продолжал вытягиваться. Крокодил загребал хвостом воду, словно веслом, а слоненок тянул, тянул, тянул. С каждой минутой нос его вытягивался — и как же ему было больно, ой-ой-ой!

Слоненок почувствовал, что его ноги скользят, и сказал через нос, который у него теперь вытянулся аршина на два:

— Знаете, это уже чересчур!

Тогда на помощь явился двухцветный питон. Он обвился двойным кольцом вокруг задних ног слоненка и сказал:

— Безрассудный и опрометчивый юнец! Мы должны теперь хорошенько приналечь, иначе тот воин в латах (он имел в виду крокодила, милые мои) испортит тебе всю будущность.

Он тянул, и слоненок тянул, и крокодил тянул.

Но слоненок и двухцветный питон тянули сильнее.

Наконец крокодил выпустил нос слоненка с таким всплеском, который слышен был вдоль всей реки Лимпопо.

Слоненок упал на спину. Однако он не забыл сейчас же поблагодарить двухцветного питона, а затем стал ухаживать за своим бедным вытянутым носом: обернул его свежими банановыми листьями и погрузил в большую серо-зеленую мутную реку Лимпопо.

— Что ты делаешь? — спросил двухцветный питон.

— Простите, — сказал слоненок, — но мой нос совсем утратил свою форму, и я жду, чтобы он съезжился.

— Ну, тебе долго придется ждать, — сказал двухцветный питон. — Удивительно, как иные не понимают собственного блага.

— Благодарю вас, — сказал слоненок. — Я последую вашему совету. Теперь я отправлюсь к своим и на них испробую

Слоненок пошел домой через всю Африку, крутя и вертя своим хоботом. Когда ему хотелось полакомиться плодами, он срывал их с дерева, а не ждал, как прежде, чтобы они сами упали. Когда ему хотелось травы, он, не нагибаясь, выдергивал ее хоботом, а не ползал на коленях, как прежде. Когда мухи кусали его, он выламывал себе ветку и обмахивался ею

А когда солнце припекало, он делал себе новый прохладный чепчик из тины. Когда ему скучно было идти, он мурлыкал песенку, и через хобот она звучала громче медных труб.

Он нарочно свернул с дороги, чтобы найти какого-нибудь толстого гиппопотама (не родственника) и хорошенько его отколотить. Слоненку хотелось убедиться, прав ли двухцветный питон относительно его нового хобота. Все время он подбирал корки дынь, которые побросал по дороге к Лимпопо: он отличался опрятностью.

В один темный вечер он вернулся к своим и, держа хобот кольцом, сказал: — Здравствуйте!

Ему очень обрадовались и ответили:

— Иди-ка сюда, мы тебя побьем за «неугомонное любопытство».

— Ба! — сказал слоненок. — Вы вовсе не умеете бить. Зато посмотрите, как я дерусь.

Он развернул хобот и так ударил двух своих братьев, что они покатались кувырком.

— Ой-ой-ой! — воскликнули они. — Где ты научился таким штукам?.. Постой, что у тебя на носу?

— Я получил новый нос от крокодила на берегу большой серо-зеленой мутной

реки Лимпопо, — сказал слоненок. — Я спросил, что у него бывает на обед, а он мне дал вот это.

— Некрасиво, — сказал волосатый дядя павиан.

— Правда, — ответил слоненок, — зато очень удобно.

С этими словами он схватил своего волосатого дядю павиана за мохнатую руку и сунул его в гнездо шершней.

Затем слоненок принялся бить других родственников. Они очень разгорячились и очень удивились. Слоненок повыдергал у своего высокого дяди страуса хвостовые перья. Схватив свою высокую тетку жирафу за заднюю ногу, он проволоч ее через кусты терновника. Слоненок кричал на своего толстого дядюшку гиппопотама и задувал ему пузыри в ухо, когда тот после обеда спал в воде. Зато он никому не позволял обижать птицу коло-коло.

Отношения настолько обострились, что все родичи, один за другим, поспешили на берег большой серо-зеленой мутной реки Лимпопо, где растут деревья лихорадки, чтобы добыть себе у крокодила новые носы. Когда они вернулись назад, то больше никто уже не дрался. С той поры, милые мои, все слоны, которых вы увидите, и даже те, которых вы не увидите, имеют такие же хоботы, как неугомонный слоненок